

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПУЛЕЛЕЙКА ИЗ САЯНСКОГО ОСТРОГА *

Традиционно считается, что у русского населения в XVIII–XIX вв. для литья пуль применялись специальные приспособления в виде клещей (щипцов), либо каменные формы. Однако нами в ходе раскопок Саянского острога XVIII в. на Енисее обнаружена половинка керамической пулелейки, аналогичной таким каменным формам. При ее помощи в остроге отливались пули калибром в 12 мм. Таким образом, можно утверждать, что русским населением в Сибири в XVIII – начале XIX в. для отливки пуль могли применяться (кроме стальных и каменных) также керамические литейные формы. Одновременно, состав керамического комплекса русского населения Сибири можно пополнить еще одной категорией изделий.

Ключевые слова: Сибирь, XVIII в., русские первопроходцы, Саянский острог, археологические исследования, огнестрельное оружие, керамическая пулелейка, пули.

Вопросы истории русского освоения Сибири в позднем средневековье и начале Нового времени, несмотря на наличие значительного количества письменных источников русского и иностранного происхождения, в исторической литературе решаются еще недостаточно полно и объективно. Слабо изучен и уровень вооруженности русских первопроходцев, что убедительно показывают результаты археологических исследований русских поселенческих памятников. Так, в составе материалов из раскопок любого из объектов русского происхождения присутствуют предметы, являющиеся совершенно неизвестными для историков по данным письменных источников. В качестве подобных примеров из произведенных нами раскопок Саянского острога XVIII в. на Енисее (построен в 1718 г., существовал до начала XIX в.) можно привести факты находок костяного орнаментированного спускового крючка ружья [Скобелев, 1999], железных наконечников шомполов, по своему внешнему виду не укладывающихся в принятые ранее представления об этих принадлежностях огнестрельного оружия [Скобелев, 2003], каменных пушечных ядер

[Скобелев, 2007], ружейных кремней, изготовленных на месте из местных пород камня [Там же] и иного. В число этих находок входит и такой оригинальный для известной на настоящий момент по письменным и археологическим данным культуры русских первопроходцев Сибири предмет из состава комплекса принадлежностей ручного огнестрельного оружия, как керамическая пулелейка. Необычным его можно считать по той главной причине, что традиционно по данным письменных источников, сведениям из археологических раскопок и этнографическим свидетельствам для литья пуль в русской среде в XVIII–XIX вв. применялись специальные приспособления в виде стальных щипцов (клещей) со смыкающимися широкими уплощенными губками, с размещенными на каждой из них углублениями полушаровидной формы, называвшиеся по-разному – пулелейка, льяк, льяло, место, гнездо, литейная форма, муль (из французского языка), калып (из тюркских языков) и т. д. Более того, подобные металлические принадлежности для огнестрельного оружия были известны на Руси уже с самого начала XVII в. – например, один из

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00258а).

таких предметов происходит из Тушинского лагеря 1608–1610 гг. [Никитин, 1971. С. 40]. Известны они и у русских первопроходцев в Сибири – например, очень похожее изделие обнаружено при раскопках Албазинского острога [Артемьев, 1999. С. 133]. Поэтому предполагалось, что в XVIII в. и позднее в русской среде для литья пуль использовались именно стальные пулелейки либо каменные формы, подобные обнаруженным в Мангазее [Белов и др., 1981. С. 47, 79], Албазинском остроге и зимовье Деви́ткан [Артемьев, 1999. С. 133–134]. В связи с указанными обстоятельствами ввод в научный оборот сведений об этом интересном предмете позволит составить более полное представление о специфике культуры, уровне развития производства боеприпасов и способов обеспечения ими у первопроходцев и старожилов XVIII в. на юге Средней Сибири.

Данное совершенно необычное для керамического комплекса в составе культуры русских первопроходцев изделие представляет собой створку литейной формы, которую вполне доказательно можно определить именно как пулелейку (см. рисунок). Предмет в виде керамического бруска близок по форме к прямоугольной трапеции – такой же вид прямоугольной трапеции имеют и все шесть ее сторон, включая торцевые. Настоящая длина предмета полностью не может быть установлена в связи с обломленным зауженным концом, но имеющийся фрагмент имеет длину в 6,5 см. Изделие выполнено грубо – поверхности большей частью неровные, бугристые, плохо заглаженные. Тесто плотное, с многочисленными включениями крупных (около 0,5 мм) зерен кварца. Преобладающий цвет большинства поверхностей – коричневый. На одной из широких сторон предмета имеется литейное ложе правильной полусферической формы диаметром 1,2 см, поверхность которого, по сравнению с остальными участками, очень гладкая. Это может быть следствием его оформления еще в сыром тесте с помощью готового предмета-образца (вероятнее всего – пули). Пуля, использованная в таком качестве, видимо, была изготовлена из куса свинца механическим способом – скорее всего, методом обкатки, о чем могут свидетельствовать оставившие свой след на стенках литейного ложа отдельные мелкие параллельные «рубцы» с поверхности образца.

Со стороны скошенной стенки предмета это ложе соединяется с литком – каналцем, через который расплавленный металл наливался в форму. Литок (литник) имеет вид половины воронки, обращенной к литейному ложу. Его поверхность также гладкая, хотя и не в такой степени, как у литейного ложа. Судя по сохранившемуся отпечатку, литок был выполнен в сыром тесте при помощи конусообразно оформленного конца деревянной палочки (видны легкие следы отпечатков обструганных наискось древесных волокон). На той же поверхности, где находится и литейное ложе, по обе стороны сбоку от него, непосредственно вдоль края предмета, выполнены два углубления – их глубина 1,1 и 1,2 см, дно углублений ровное. Одно из них, расположенное непосредственно у прямого угла предмета, имеет форму полукруга (видимо, было выполнено в сыром тесте при помощи расщепленного вдоль обрезка прутика диаметром около 0,7 см), второе – почти правильную форму круга (видимо, было сделано при помощи обрезка прутика почти такого же диаметра, как и у расщепленного прутика). Эти углубления, вероятно, использовались для вставления штифтов, обеспечивавших правильную фиксацию относительно друг друга обеих створок пулелейки – соответственно в отсутствующей створке также должны иметься аналогичные углубления.

Предмет достаточно долгое время находился в эксплуатации. Об этом свидетельствует более темный цвет поверхности литника, заметно отличающийся от соседних участков обеих поверхностей. Кроме того, само литейное ложе похоже на отслаивающуюся чашечку, что могло произойти в результате имевшей место существенной разности температур между непосредственно примыкающей к ложу частью предмета и остальной поверхностью пулелейки. Вероятно, между двумя створками изделия такого вида и качества изготовления плотного примыкания не обеспечивалось и расплавленный свинец заливался в щели, в результате чего на заготовке пули, по ее окружности, образовывался ободок-прилив застывшего металла, который затем приходилось дополнительно удалять.

Некоторые особенности внешнего вида предмета позволяют реконструировать процесс его изготовления. В частности, поверхность, на которой выполнено литейное ложе,

Створка керамической пулелейки из состава культурного слоя Саянского острога

т. е. рабочая сторона, отличается от остальных стенок полным отсутствием заглаженности (кроме самого ложа), а также наличием хорошо заметных вмятин в глине от песка и самими приставшими песчинками. Это может говорить о том, что имевшуюся пулю-образец до середины (по «экватору») утопили в песок, а затем по уровню песка покрыли сверху уже сформированным бруском сырой глины. Возможно, одновременно в песок были воткнуты и деревянные стерженьки, хотя эту операцию можно было проделать и после получения готового глиняного отпечатка. Для того чтобы пуля-образец и стерженьки не прилипали к глиняному тесту, их, видимо, покрывали тонким слоем жира (или масла). Таким способом могла быть получена найденная нами половинка пулелейки. Видимо, она была подвергнута, как минимум, сушке (а возможно, и обжигу), после чего в нее переложили пулю-образец, в имеющиеся углубления вставили деревянные стерженьки и сверху наложили подобный же брусок сырого теста. Вероятно, для исключения прилипания сырой глины вся контактирующая поверхность готовой половинки пулелейки также смазывалась каким-то жировым веществом.

Аналогий такой находке из археологических памятников на территории Сибири нет. Но имеются образцы разъемных литейных форм из камня, аналогичные по технологии

применения. Таковы упомянутые предметы из Мангазеи и створка пулелейки из зимовья Девтиткан. Однако в наибольшей степени на обнаруженное нами керамическое изделие, как по форме и размерам, так наличию и местам расположения на нем основных конструктивных элементов, похожа створка каменной пулелейки из Албазинского острога второй половины XVII в. [Артемьев, 1999. С. 133, рис. 80, 10]. Поэтому можно предполагать, что в конце XVII – XVIII в. в Сибири получили распространение каменные пулелейки в виде бруска трапецевидной формы, по образцу которых была выполнена и керамическая пулелейка из Саянского острога.

Известно, что в сибирских острогах и форпостах боезапас к ручному огнестрельному оружию выдавался гарнизону в виде слитков свинца. Несколько таких фрагментов кусков металла со следами их обрезания ножом было обнаружено и на площади двора Саянского острога [Скобелев, 2006. С. 186]. Кроме того, здесь же найдены многочисленные фрагменты керамических тиглей (часто с оплавленными стенками), вероятно, использовавшихся и для плавки свинца [Скобелев, Чуриков, 2009]. Обнаруженные нами железные наконечники шомполов были предназначены для обслуживания в остроге оружия калибром около 10 мм [Скобелев, 2003], что соответствует диаметру литейного ложа створки нашей пулелей-

ки. Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что в остроге существовало собственное литье пуль, в частности, с использованием такого простейшего приспособления. Вероятно, при помощи подобного изделия (либо даже именно этого предмета) были отлиты пули близкого калибра, обнаруженные с еще необрезанными ободками-приливами застывшего свинца по окружности в позднем погребении на р. Табат [Худяков, 2002. С. 87, рис. 5, 2–5], находящемся в непосредственной близости к месту расположения Саянского острога (известно, что до 60-х гг. XVIII в. охрану границы в Присаянье несли вооруженные отряды из числа коренных жителей региона).

Таким образом, приведенные сведения позволяют говорить, что русские первопроходцы и старожилы, а возможно, и иные категории русского населения в Сибири и даже Европейской части страны в XVIII–XIX вв., могли применять для литья пуль не только самые совершенные для того времени металлические приспособления в виде щипцов (клещей), но и такие простейшие изделия, как обнаруженная нами пулелейка, изготовить которую было довольно легко из материала, имеющегося практически повсеместно. Одновременно, состав керамического комплекса русского населения Сибири можно пополнить еще одной категорией находок.

Список литературы

Артемов А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 336 с.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепро-

ходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Ч. 2. 147 с.

Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. М., 1971. Вып. Е1–34. 84 с.

Скобелев С. Г. Саянский острог – памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2: Горизонты Евразии. С. 185–207.

Скобелев С. Г. Об уточнении внешнего вида шомполов для ручного огнестрельного оружия из русских археологических памятников Сибири (по материалам раскопок Саянского острога) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 239–241.

Скобелев С. Г. Характеристика вооружения русских первопроходцев Средней Сибири (по материалам раскопок поселенческих памятников) // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археол. съезда. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 185–187.

Скобелев С. Г. Изделия из камня у русских первопроходцев и старожилов Южной Сибири XVIII в. (по материалам раскопок Саянского острога) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Владивосток, 2007. Т. 5, ч. 1. С. 216–247.

Скобелев С. Г., Чуриков Р. С. Керамические тигли как часть металлолитейного комплекса Саянского острога // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009 Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 261–269.

Худяков Ю. С. Погребения качинцев в долине р. Табат // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. С. 85–99.

Материал поступил в редколлегию 23.06.2010

S. G. Skobelev, R. S. Churikov

THE CERAMIC DEVICE FOR MOULDING BULLETS FROM SAYANSKY OSTROG

It is traditionally considered, that at Russian population in XVIII–XIX centuries for moulding bullets the special steel tools as nipper, or stone forms were applied. However we in a course of excavation Sayansky ostrog (fortress) XVIII of century on the river Yenisei find out half of ceramic device similar to such stone forms. Through this device in ostrog the bullets of calibre in 12 millimeters were cast. Thus, it is possible to assert, that by Russian population in Siberia in XVIII – beginning XIX of century for manufacturing bullets could be applied (except for steel and stone) also ceramic foundry forms. Simultaneously, it is possible to fill up structure of a ceramic complex of Russian population of Siberia with one more category of products.

Keywords: Siberia, XVIII century, Russian pioneers, Sayansky ostrog (fortress), archaeological research, fire-arms, the ceramic device for moulding bullets, bullets.